

Юмор и непознанное

Глава из будущей книги — "Книги читателя"

Валерия Хаита многие помнят как капитана первой одесской (можно уже сказать, легендарной) команды КВН. Но это лишь одна сторона его деятельности, конечно, очень важная. Больше десяти лет В. Хаит редактирует журнал "Фонтан", составил книги "Одесский юмор" (в серии "Антология сатиры и юмора России XX века") и "Большой фонтан одесского юмора"... Но — и что не менее важно — он лирический поэт, прозаик. За книгу прозы он был удостоен премии им. К.Г. Паустовского.

В этом году Валерию Хаиту исполняется 70 лет. Поздравляя нашего постоянного автора, коллегу, друга с юбилеем, мы предлагаем вниманию читателей главку из новой книги, в которой он выступает в новом жанре, из "Книги читателя", которая — надеемся — появится на книжных полках в этом, юбилейном для автора 2009 году.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

В этой заметке я коснусь той стороны моих книжных интересов, которая особенно чревата скептическими усмешками со стороны моих возможных читателей. Прежде всего, тех из них, кто сам, боясь оказаться в смешном положении, исповедует только те взгляды, которые не выходят из общепринятых рамок. Ну, скажем, материалистических.

Многие годы, практически в течение всей своей жизни, я жадно интересовался астрономией, проблемами поиска жизни во вселенной, вообще космосом. Помню, какое невероятное впечатление произвела на меня вышедшая, кажется, в конце 60-х знаменитая книга выдающегося астрофизика Иосифа Шкловского "Вселенная, жизнь, разум". Я читал ее и наслаждался строгой логикой рассуждений ученого. Так вот, по логике его рассуждений, космос должен был кишеть жизнью. Помню, в частности, как он уверенно доказывал в книге, что планетные системы (а значит, и жизнь на них) возможны даже у так называемых двойных звезд. А его изящное предположение и попытка математического доказательства того, что спутники Марса искусственные!.. После прочтения книги было ощущение, что инопланетная жизнь вот-вот заявит о своем существовании — настолько жизнеутверждающим, причем в прямом смысле, был пафос автора. А поскольку этого так и не случилось, Иосиф Шкловский со временем пришел к прямо противоположной мысли — к убеждению, что мы одиноки во вселенной. Думаю, что великий астрофизик просто стал жертвой своей несокрушимой логики и абсолютной веры в то, что гармонию

мира возможно поверить исключительно алгеброй. Помнится, во время чтения меня даже немного смутил этот строгий, сугубо материалистический подход к такой таинственной и непостижимой вещи, как жизнь, ее происхождение и эволюция.

А десятилетием раньше, когда я был еще моложе и еще наивнее, такое же сильное впечатление произвела на меня книга великого русского фантаста Ивана Ефремова "Туманность Андромеды". Помните? Главного героя, кажется, звали Дар Ветер.

Сколько радости и надежд будила эта книга! Какой гармоничной и совершенной была жизнь в этом немислимо далеком от Земли мире! Если мне не изменяет память, даже совершенная овальная форма знаменитой галактики тоже была результатом деятельности населяющих ее существ...

Но Иван Ефремов был не только фантастом. Как истинный большой писатель, он был еще и философом. По прошествии десятилетий после написания им романа о сбывшейся "в отдельно взятой галактике" мечты о коммунистическом будущем, он, как мне кажется, многое пересмотрел в своем мировоззрении. Во всяком случае, об этом говорит запомнившееся мне его позднее высказывание (цитирую по памяти): "Человек, задумывающийся о концах и началах, может позволить на своем лице выражение некоторой печали...".

Продолжая краткий рассказ о своем многолетнем интересе ко всему загадочному и непознанному, я готов признаться и в самых больших грехах, которые на этом пути встречаются. Да, господа, и НЛО, и Бермудский треугольник, и пустыня Наска, и полтергейст, и Ванга, и, и, и... Все это, как вы уже догадались, тоже было в круге моего жадного и не очень упорядоченного чтения. Пытаясь в своем представлении о мироздании хоть как-то свести концы с концами, ища во всем какой-то изначальный смысл, я читал и читал ...

В моей поэтической книге-дневнике "Круг" есть даже стихи на эту тему. Ну вот, скажем, такие.

* * *

О чем ты, радость моя, о чем ты?
Давай немножечко отвлечемся.

Давай немножечко помечтаем
О странном, о роковом, о тайном.

О том, чего мы понять не в силах,
Но что случилось и не забылось.

Чего как будто и быть не может,
Но что смущает и что тревожит.

И без чего здесь, под небесами,
Все ж не свести нам концы с концами...

Возвращаясь же к Иосифу Шкловскому, скажу о случае, к которому вполне можно применить определение "невероятный".

Но прежде упомяну, что в моих студиях, связанных с интересом к непознанному, встречалась еще одна фамилия ученого, так же как Шкловский, интересовавшегося и изучавшего проблему множественности обитаемых миров. Звали его Николай Кардашев и, по-моему, был он не только учеником, но и постоянным оппонентом Шкловского.

Так вот представьте себе, что в один прекрасный день я вдруг узнаю, что в наш город в качестве консультантов снимающегося на Одесской киностудии фильма про космонавтов приехали члены-корреспонденты Академии наук Иосиф Шкловский и Николай Кардашев, а с ними тоже знаменитый ученый академик Роальд Сагдеев. Вот он, его величество случай! Немедленно к ним в гостиницу, и они сразу отметят, как я во всем этом разбираюсь и какие умные и серьезные вопросы задаю...

Встретиться с ними действительно не составило никакого труда. Они оказались давними поклонниками одесской команды КВН и были не прочь встретиться с ее капитаном. И все было бы хорошо, если бы, едва справившись с волнением, я вдруг не начал чуть ли не с порога задавать им свои "умные" вопросы. Ученые гости тут же поскучнели, как-то понимающе переглянулись и, извинившись, стали собираться на прогулку. Я напросился их сопровождать, шел попеременно рядом то с одним, то с другим, чего-то пытался выспросить, но, увы. Гости отшучивались, любовались Одессой и все ждали, когда я начну демонстрировать знаменитый одесский юмор. При этом сами шутили так, особенно Шкловский, что я чуть не падал. Когда мы вернулись в гостиницу, я свой любознательный пыл поубавил. А что касается одесского юмора, решил прочесть им недавно написанную вместе с Гариком Голубенко и Леней Сущенко начальную сцену нашей пьесы об Одессе "Старые дома". Я ее всегда таскал с собой и читал всем подряд, поскольку лишать себя радости немедленно-

го успеха как недавний КВНщик еще не научился. Тут уже астрофизики совсем расслабились, хохотали так, что били себя ладонями по коленям, причем реагировали на самые тонкие шутки, которыми мы особенно гордились. В награду за чтение кто-то из них (кажется, Кардашев) даже сжался надо мной и сказал: "Да, вы тут спрашивали насчет жизни во вселенной... Не все так просто, молодой человек, не все так просто...".

А потом случилась еще одна неожиданная встреча. Как-то на одесской даче меня представили московскому гостю. Это был известный уфолог, то есть исследователь НЛО, выступавший в разных городах со своими лекциями, в прошлом моряк-подводник Владимир Ажажа. И опять мое КВНовское прошлое сыграло свою роль: он был рад со мной познакомиться. И опять мои давно готовые вопросы — а я читал все, что мне попадалось на тему "летающих тарелок", в том числе, конечно, и текст его знаменитой лекции, — вызвали у него некоторое смущение: одно дело, когда вопросы задают во время лекции, другое — когда просто так, в компании, во время застолья.

Но потом мы с Владимиром Георгиевичем действительно подружались, и я всегда поражался той искренней вере и упорству, с которыми он в течение многих лет занимался этими сомнительными с точки зрения официальной науки проблемами. Он выпустил много книг; некоторые из них стоят на моих полках с авторскими посвящениями. Книги его я читал очень внимательно, с огромным интересом, поражался обилию приводимых в них фактов и случаев контактов с НЛО, мастерству их статистической обработки. Но мне, помню, не хватало во всем этом мировоззренческой составляющей, так сказать, философии, попыток порассуждать обо всем этом на более широком фоне, вписать этот феномен в более широкий контекст знаний о жизни во Вселенной.

Шли годы, мой интерес ко всем этим загадочным проблемам то усиливался, то чуть ослабевал, но вовсе не исчезал никогда. Началась Перестройка, а с ней появилось огромное количество литературы на все эти темы. Я пытался читать книги Блаватской, Рудольфа Штайнера, Шри Ауробиндо, но, помню, лишь еще больше запутывался; к тому же тяжеловесный слог этих книг отбивал охоту к внимательному чтению.

И тут произошла Встреча. Я написал это слово с большой буквы не случайно. Многие читатели книг, особенно те, кто читает целенаправленно, знают об этом феномене: феномене Своевременного Появления Нужной Книги. Вот ты о чем-то думаешь, приходишь к каким-то выводам, задаешься новыми вопросами — и вдруг (вдруг ли?) на прилавке какого-нибудь книжного лотка обнаруживаешь нужную тебе именно в этот момент

жизни книгу. Нет, ты ее не искал, ты даже не догадывался о ее существовании, но вот твой взгляд скользнул по обложке, что-то тебя привлекло в названии, ты протягиваешь руку, листаешь, и вдруг горячая волна пронизывает тебя всего: вот оно! Именно эта книга и нужна была тебе сегодня! Без нее ты не мог бы жить и думать дальше!

Ну что, случилось с вами такое?

Со мной — не раз...

Хотя с книгой, о которой идет речь, было не совсем так. Сначала я обнаружил в "Новом мире" несколько поразивших меня своей мощью и красотой стихотворных и прозаических текстов. Автора звали Даниил Андреев. Там были и главы из написанной им во Владимирской тюрьме книги "Роза мира". Через короткое время я стал обладателем экземпляра полного издания "Розы", еще в мягкой обложке и мелким шрифтом. Со временем на мою заветную книжную полку встали все 4 тома собрания сочинений этого выдающегося мистика, философа и поэта.

Но вернусь к тому первому изданию "Розы мира". Я жадно набросился на книгу, инстинктивно предчувствуя, что увиденная автором во время его, как он пишет, "трансфизических странствий", картина мира пусть и поразительна, пусть и неправдоподобна, пусть и отлична от всего того, к чему мы привыкли в эпоху советского материализма, но она имеет все черты реальности, она цельна и гармонична, а потому невероятно убедительна. Это тоже не было простым чтением. Но сложность эта была связана не с туманностью слога, не с запутанностью авторских мыслей и утверждений, а с той плотностью философской прозы, в которой, как говорится, "словам тесно, а мыслям просторно".

Я помню, как, несмотря на фантастичность описываемого Даниилом Андреевым мира, верил в его истинность — настолько авторская интонация была искренней, настолько чувствовалась его заинтересованность в том, чтобы как можно более ясно и точно описать сложнейшую структуру открывшихся ему метафизических далей. Как он при этом заботился о читателе, о том, чтобы помочь ему воспринять все это. Как он следил за тем, чтобы вовремя отвечать на вопросы, возникающие по ходу чтения, как уважительно относился к читательской логике. Вот, скажем, я читаю очередную главу, и у меня возникает вопрос: "Стоп, стоп! А как же тут со свободой воли?..". Перелистываю страницу и вижу, что следующая глава так и называется — "Свобода воли".

"Роза мира" Даниила Андреева поразила меня еще вот чем. Многие люди владеют невероятными, или, как сейчас говорят, паранормальными

способностями. (Есть, конечно, и шарлатаны, выдающие себя за подобных.) Так вот, многие из этих "посвященных" тоже пишут книги. Книги эти, как правило, примитивные, написанные убогим слогом, — что делать, мистический дар не выбирает человека, так сказать, под себя, обладателем его может оказаться любой.

В случае с Даниилом Андреевым дар нашел того, кого и должен был найти — человека, который пришел на Землю, чтобы не только с помощью своего мистического дара постичь устройство мироздания, но и рассказать об этом другим, написав великую книгу, время которой, думаю, еще просто не пришло. Ее написал не убогий экстрасенс-фанатик, не знающий, что со своим даром делать, не заносчивый небожитель-мистик, подчиняющий себе доверчивых и жаждущих чуда поклонников, а выдающийся ученый-мыслитель, интеллигент, стоящий на уровне своего века, знаток мировых религий, кладезь исторических знаний, человек, находящийся в курсе современных научных концепций и открытий. Если к этому добавить, что он (не исключено, что и как сын известного писателя Леонида Андреева) обладал еще и ярким литературным талантом, то миссию свою на Земле он выполнил с блеском. Я помню, как в документальном фильме о Данииле Андрееве его жена Алла Александровна рассказывала, что уже будучи серьезно больным, буквально накануне смерти он перечитал принесенную ему впервые после машинки рукопись своей книги, улыбнулся и произнес: "А знаешь, эту книгу все-таки написал не сумасшедший..."

Хочу сказать, что для меня косвенным доказательством правдивости книги о тех или иных таинственных и необъяснимых вещах всегда была личность автора, ее, так сказать, масштаб. Здесь и широта знаний, и уровень культуры, и нравственное поведение, и способность к самоиронии, и просто юмор. Да-да, и юмор, который, будучи присущ тому или иному человеку, на мой взгляд, более других качеств приближает его к гармоничности, а попросту говоря, к норме. Всеми этими чертами в полной мере обладал Даниил Андреев. А ирония и самоирония возникали у него порою в самых сложных и неожиданных местах. Этим он снимал читательское напряжение и недоверие, как бы говорил: нет-нет, я нормальный, я все это на самом деле видел, я пишу только о том, что постиг лично, я знаю, как это трудно представить, не говоря уже о том, чтобы поверить в это. Потом, когда уже после "Розы мира" я прочитал воспоминания об Андрееве, книгу жены об их жизни, его переписку, то с радостью убедился, что он оказался именно таким — живым, естественным и вполне нормальным человеком. А значит, и великая книга его, запечатлевшая странствия по неизведанным мирам, безусловно правдива.

Продолжая эту тему, скажу, что недавно совершил еще одно поразительное открытие. Я обнаружил, что, оказывается, даже такой аналитически мыслящий человек, такой великий скептик и рационалист, как автор Шерлока Холмса Артур Конан Дойл тоже верил в мистику и спиритизм. Причем не обладая от природы мистическим даром, а значит, не имея личного опыта встреч с необъяснимым, он пришел к выводу о реальности подобных явлений именно путем своей склонности к анализу. Он присутствовал на многочисленных спиритических сеансах, вел своеобразную статистику невероятных случаев, анализировал, сопоставлял, словом, всю использовал свой знаменитый "метод дедукции". И пришел к неоспоримому для себя выводу — необъяснимые и таинственные явления существуют в реальности, жизнь не так проста и одномерна, как кажется на первый взгляд, смысл у нее, безусловно, есть, но путь к нему долг и открыт не каждому. Замечательный писатель настолько проникся всеми этими идеями, что последние десять лет своей жизни ездил по разным странам с лекциями об удивительных феноменах, составившими со временем целую книгу "Новые откровения", которую я с огромным интересом прочел в интернете.

Возвращаясь к теме, указанной в названии, я хочу поделиться тем, что обнаружил у такого выдающегося философа, мистика и религиозного мыслителя, как Владимир Соловьев. Его книги тоже были запрещены в СССР и появились лишь с началом Перестройки, но интерес к ним у меня возник опять же в связи с Даниилом Андреевым: Владимир Соловьев с юных лет был его кумиром. Правду говоря, мои попытки чтения книг Соловьева были не совсем удачны: все это требовало специальных знаний и оказалось для меня слишком сложным и не очень близким. Но я был вознагражден и примирен с этим, когда купил по случаю огромный соловьевский том "Стихотворения. Эстетика. Литературная критика". Выяснилось, что религиозный философ и мистик Владимир Соловьев, кроме того что был популярным в свое время поэтом, оказался еще и блестящим литературным критиком, знатоком и исследователем творчества Пушкина.

Так вот, в томе, где были собраны статьи этого мистического и религиозного писателя, даже своим внешним видом — длинные черные волосы, такая же борода, огненные глаза — напоминавшего то ли пророков, то ли религиозных фанатиков, я обнаружил примеры блестящего (без всяких скидок) литературного юмора, свидетельствующего о здоровой и гармоничной сути этого удивительного человека.

Вот что (и главное, как) писал Владимир Соловьев, скажем, о представителях поэтического направления, которое возглавлял Валерий Брюсов. Я выбрал фрагменты из статьи "Русские символисты"...

Цитаты взяты из первой части статьи, в которой рецензируется "ВЫП. 1-Й. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И А.Л. МИРОПОЛЬСКИЙ. МОСКВА. 1894 (44 стр.)".

"Эта тетрадка имеет несомненные достоинства: она не отягощает читателя своими размерами и отчасти увеселяет своим содержанием..."

Так начинается критик свою статью и далее пишет:

"Другого рода возражение имею я против следующего "заключения"
г. Валерия Брюсова:

Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?
Влюбленных наяд
Серебристые всплески,
Где ревнивые доски
Вам путь заградят,
Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.
За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.

Несмотря на "ледяные аллеи в атласном саду", сюжет этих стихов столько же ясен, сколько и предосудителен. Увлекаемый "полетом фантазий", автор засматривался в дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет "феями" и "наядами". Но можно ли пышными словами заглазить поступки гнусные? И вот к чему в заключение приводит символизм! Будем надеяться, по крайней мере, что "ревнивые доски" оказались на высоте своего призвания. В противном случае, "золотистым феям" оставалось бы только окатить нескромного символиста из тех "непонятных ваз", которые в просторечии называются шайками и употребляются в купальнях для омовения ног".

"В предисловии г. В. Брюсов объясняет, что поэзия, которой он с товарищами служит, есть поэзия намеков. Следуя нашей относительно-научной методе, посмотрим, насколько в самом деле стихотворения русских символистов представляют собою поэзию намеков:

Струны ржавеют
Под мокрой рукой,
Грезы немеют
И кроются мглой.

Такою строфою начинается и повторением ее заканчивается маленькое стихотворение г. Миропольского, открывающее наш сборник. Здесь с преувеличенною ясностью указывается на тот грустный, хотя и мало интересный факт, что изображаемый автором гитарист страдает известным патологическим явлением. Ни поэзии, ни намеков тут нет. Первый стих "струны ржавеют" — содержит в себе еще другое указание, но опять-таки ясное указание, а не намек, — на малограмотность г. Миропольского.

Второе стихотворение: "Я жду", почти все состоит из повторения двух стихов: "Сердце звонкое бьется в груди" и "Милый друг, приходи, приходи!". Что тут неясного, какие тут намеки? Скорее, можно здесь заметить излишнее стремление к ясности, ибо поэт поясняет, что сердце бьется в груди, — чтобы кто-нибудь не подумал, что оно бьется в голове или в брюшной полости".

Иногда В. Соловьев писал под псевдонимом Власий Семенов.

"...Но по обвинению меня в злоумышленном искажении смысла стихотворений г. Брюсова и К°, я, Власий Семенов, имею объяснить, что если бы даже я был одушевлен самою адскою злобою, то все-таки мне было бы невозможно исказить смысл этих стихотворений — по совершенному отсутствию в них всякого смысла...

...Ну, пусть кто-нибудь попробует исказить смысл такого произведения:

Тень несозданных созданий
Кольхается во сне
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски
В звонко-звучной глубине

Вырастают точно блески
При лазоревой луне,
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне;
Звуки реют полусонно.
Звуки лащаются ко мне,
Тайны созданных созданий
С лаской лащаются ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Если я замечу, что обнаженному месяцу всходить при лазоревой луне не только неприлично, но и вовсе невозможно, так как месяц и луна суть только два названия для одного и того же предмета, то неужели и это будет "умышленным искажением смысла"?".."

"...Гг. символисты укоряют меня в том, что я увлекаюсь желанием позабавить публику; но они могут видеть, что это увлечение приводит меня только к простому воспроизведению их собственных перлов.

Должно заметить, что одно стихотворение в этом сборнике имеет несомненный и ясный смысл. Оно очень коротко,— всего одна строчка:

"О, укрой свои бледные ноги".

Для полной ясности следовало бы, пожалуй, прибавить: "ибо иначе простудишься", но и без этого совет г. Брюсова, обращенный, очевидно, к особе, страдающей малокровием, есть самое осмысленное произведение всей символической литературы, не только русской, но и иностранной..."

И вновь, я надеюсь, что возможные читатели не будут ко мне в претензии за столь щедрое цитирование. Причем не только те из них, кому по душе юмор хорошего вкуса, но и разделяющие с Владимиром Соловьевым его нелюбовь к подобного рода поэтическим изыскам...

Возвращаясь же вновь к заявленной теме, я опять проникаюсь уверенностью в том, что человек, обладающий таким здоровым чувством юмора, так легко и естественно ориентирующийся в этических и эстетических категориях, как Владимир Сергеевич Соловьев, и в своих философских и религиозных трудах, в работах, посвященных своим мистическим прозрениям, был так же искренен и правдив...